

---

pocket**book**

---

rocket**book**

ДЖОН ИРВИНГ

*Чужие сны
и другие истории*

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
И 78

John Irving

TRYING TO SAVE PIGGY SNEED

Copyright © 1996 by John Irving

Перевод с английского *Игоря Иванова*

Оформление серии *Андрея Саукова*

Ирвинг Дж.

И 78 Чужие сны и другие истории / Джон Ирвинг ; [пер. с англ. И. Б. Иванова]. — М. : Эксмо, 2014. — 576 с.

ISBN 978-5-699-70923-6

От знаменитого автора «Мира глазами Гарпа» и «Отеля Нью-Гэмпшир», «Правил виноделов» и «Мужчин не ее жизни», «Последней ночи на Извилистой реке» и «Четвертой руки» — единственное в его творческой биографии собрание произведений малой формы. При всем их жанровом разнообразии — рассказы и повести, размышления о жизни, воспоминания, развернутая дань уважения любимым писателям (таким, как Чарльз Диккенс и Гюнтер Грасс) — Джон Ирвинг остается верен себе: этот мастер психологической прозы, по глубине владения материалом не уступающий великим классикам, обладает удивительной способностью изъясняться притчами, и любая его книга не о том, о чем кажется...

УДК 82(1-87)

ББК 84(7США)

© Иванов И., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70923-6

*Памяти
Теда Сибрука, Клиффа Галлахера,
Тома Уильямса и Дона Хендри-младшего*

Первые публикации произведений, вошедших в эту книгу

«Спасая Пигги Снида» («Trying to Save Piggy Sneed») — «Нью-Йорк таймс бук ревью» (The New York Times Book Review), 22 августа 1982 г.

«Воображаемая подружка» («The Imaginary Girlfriend») — журнал «Ньюйоркер» (The New Yorker), осенью 1995 г. опубликован фрагмент.

«Мой обед в Белом доме» («My Dinner at the White House») — «Сэтердей нйт» (SaturdayNight), февраль 1993 г.

«Внутреннее пространство» («Interior Space») — «Фикшн» (Fiction), том 6, № 2, 1980 г.

«Словоизлияния Бреннбара» («Brennbar's Rant») — «Плейбой» (Playboy), декабрь 1974 г.

«Пансион «Грильпарцер»» («The Pension Grillparzer») — «Антеус» (Antaeus), зима 1976 г.

«Чужие сны» («Other People's Dreams») — сборник «Last Night's Stranger: One Night Stands & Other Staples of Modern Life» под редакцией Пэт Роттер, вышедший в издательстве A & W (1982).

«Утомленное королевство» («Weary Kingdom») — «Бостон ревью» (Boston Review), весна — лето 1968 г.

«ПочтивАйове» («Almostinlowa») — «Эсквайр» (Esquire), ноябрь 1973 г.

«Король романа» («The King of the Novel») — «Нью-Йорк таймс букревью» (The New York Times Book Review), первая публикация, гораздо короче настоящей (25 ноября 1979 г.); в нынешнем виде — как предисловие к роману Диккенса «Большие надежды», изданному «Бантам классик» (Bantam Classic) в 1986 г.

«Предисловие к «Рождественской песни» («An Introduction to A Christmas Carol») — впервые появилось в несколько измененном виде и под заголовком «Их верный друг и слуга» («Their Faithful Friend and Servant») в «Глоб энд мейл» (The Globe and Mail) 24 декабря 1993 г.; в нынешнем виде — в сборнике «Рождественская песнь» («A Christmas Carol»), изданном «Модерн лайбрери» (Modern Library) в 1995 г.

«Гюнтер Грасс: король торговцев игрушками» («G nter Grass: King of the Toy Merchants») — «Сэтердей ревью» (Saturday Review), март 1982 г.

ВОСПОМИНАНИЯ

СПАСАЯ ПИГГИ СНИДА

Хотя написанное здесь и относится к воспоминаниям, прошу понять: все воспоминания писателя, наделенного хорошим воображением, недостоверны. Память автора художественных произведений — особенно несовершенное хранилище подробностей. Мы, писатели, всегда можем придумать более «удачные» детали, чем те, которые в состоянии вспомнить. Произошедшее на самом деле редко воспринимается как действительно случившееся; чаще всего правдивым считается то, что могло бы или должно было бы произойти. Полжизни я занимаюсь пересмотром событий прошлого, и занятие это протекает практически в одном и том же русле, перемены весьма незначительны. Писательское ремесло — это вечные попытки добиться гармонии между тщательным наблюдением и изощренным воображением событий, которых вам не довелось увидеть собственными глазами. Остальное — суровая, но необходимая работа с языком произведения. У меня — это создание и переделывание фраз до тех пор, пока они не обретут естественность хорошего разговора.

Учитывая вышесказанное, думаю, я стал писателем благодаря хорошим манерам моей бабушки и в особенности — благодаря умственно отсталому сборщику пищевых отходов, к которому бабушка относилась с неизменной вежливостью и добротой.

Моя бабушка — старейшая из ныне живущих выпускниц колледжа Уэллсли, в свое время она имела высший балл по английской литературе. Сейчас она живет в доме престарелых, и память ее слабеет. Бабушка уже не помнит сборщика пищевых отходов, благодаря которому я стал писателем, но хорошие манеры и доброжелательность по-прежнему при ней. Когда в ее комнату забредают другие старики — по ошибке, а может, приняв бабушкину комнату за свое жилье, — бабушка всегда говорит: «Дорогая моя (или дорогой мой), вы никак заблудились? Вам помочь найти комнату, в которой вы рассчитывали оказаться?»

Я жил в бабушкином доме почти до семи лет, и потому она всегда называла меня «мой мальчик». В общем-то я являлся ее единственным мальчиком, поскольку бабушка имела трех дочерей, но у нее не было ни одного сына. Сейчас, когда я приезжаю к ней и наступает время прощаться, мы оба сознаем, что она ведь может и не дожить до моего следующего визита. Поэтому бабушка всегда говорит:

— Дорогой, возвращайся поскорее. Ты же знаешь, ты — мой мальчик.

Этим бабушка подчеркивает, что она для меня — больше чем просто бабушка.

Хотя бабушка и имела высший балл по английской литературе, она без особого удовольствия читала произведения «ее мальчика». Фактически она прочла только самый первый роман и на этом закончила знакомство с моим творчеством. Бабушке не понравились ни язык, ни сюжет романа. Это было не столько ее собственное суждение, сколько мнение, почерпнутое из прочитанного о других писателях. Она пришла к выводу, что по мере моего взросления писательский язык и выбор тематики деградировали. Бабушка решительно отказалась читать последующие четыре романа (мы оба решили, что так будет лучше). Вместе с тем она очень гордится мною. Правда, я никогда не пытался копнуть глубже и выяснить, чем именно она гордится. Возможно, тем, что я вырос, или тем, что остался «ее мальчиком». Вообще же я ни разу в жизни не столкнулся с ее равнодушием ко мне. Я всегда чувствовал, что бабушка меня любит.

Улица, на которой я рос, называлась Фронт-стрит, а город — Эксетер. Это в штате Нью-Гэмпшир. В годы моего детства по обеим сторонам улицы росли вязы. Потом их не стало. Вязы погубила не какая-то древесная болезнь, а два урагана, обрушившиеся на Эксетер один за другим. Это было уже в пятидесятые годы. Уничтожив деревья, ураганы придали улице более современный облик. Первым атаковал ураган

с женским именем Кэрол, существенно ослабив корни деревьев. Следом налетела Эдна, которая и свалила вязы. Бабушка потом частенько поддразнивала меня, выражая надежду, что «женские» стихии заставят меня уважать женщин.

Фронт-стрит времен моего детства была улицей сумрачной и прохладной даже в летние дни. Задние дворы не имели заборов. Собаки бегали где им заблагорассудится и нередко попадали в беду. Бакалейными товарами нас снабжал торговец по фамилии Поджо. Другой человек — его фамилия была Страут — привозил лед для бабушкиного ледника (бабушка до самого конца противилась электрическим холодильникам). Мистер Страут не пользовался расположением соседских собак: возможно, им не нравилось, что он гонялся за ними, размахивая щипцами для льда. Ребяшня с Фронт-стрит никогда не досаждала мистеру Поджо. Думаю, потому, что он разрешал нам болтаться возле своего магазина и даже заходить внутрь. Я не помню, чтобы он грозился кого-то отшлепать или надрать уши. Мистера Страута мы не задевали по другой причине. Щипцы для льда были большими и тяжелыми, а его неопишуемая ярость по отношению к собакам очень легко могла перекинуться на нас. Зато сборщик пищевых отходов был идеальной мишенью: ни угроз, ни агрессии, и потому мы приберегали силы для насмешек и издевательств над ним. Добавлю, что досаждали мы ему не только словами.

Звали его Пигги Снид. Не припомню, чтобы мне доводилось встречать кого-либо еще, от кого воняло бы столь же отвратительно, как от него. Исключение составляет, пожалуй, труп уличного бродяги, на который я набрел в Стамбуле. И в самом деле, нужно превратиться в смердящий труп, чтобы зловонием затмить Пигги Снида. Во всяком случае, мальчишки с Фронт-стрит считали его самым зловонным существом в мире.

Оснований называть его Пигги¹ было более чем достаточно, хотя странно, что никто из нас не попытался придумать ему более оригинальное прозвище. Возможно, в этом не было необходимости, поскольку вся жизнь Пигги вращалась вокруг свиней. Начнем с того, что жил он на свиноферме. Он выращивал свиней, убивал их и, что важнее всего, жил вместе со свиньями. Никакого отдельного дома или даже лачуги у Пигги не было. Только свиной хлев. Внутри хлев был разделен на несколько загонов. В одном стояла железная дровяная печь. Этим комфорт жилья Пигги Снида исчерпывался. Мы представляли, как холодными зимними вечерами все обитатели хлева толклись возле печки, служа источниками дополнительного тепла для Пигги. Естественно, от него могло пахнуть только свиньями.

Ввиду уникального умственного дефекта и по причине тесного соприкосновения с чет-

---

¹ В переводе с английского «свинья», «хрюшка». (Здесь и далее примечания переводчика.)

вероногими друзьями Пигги усвоил явно поросячьи звуки и жесты. Когда он открывал бак с отходами, его поза напоминала стойку голодной свиньи, подрывающей дерево. Пигги щурил красные глазки, морщил нос (нос в это время становился похожим на рыло), а на загривке появлялись розовые складки. Бледная растительность на подбородке никоим образом не напоминала бороду — это была настоящая щетина! Невысокого роста, коренастый, Пигги отличался изрядной силой. Он взваливал пищевые баки на спину и опрокидывал их содержимое в дощатый кузов грузовика. В кузове, предвкушая угощение, всегда похрюкивали несколько свиней. Возможно, в разные дни он брал с собой разных свиней. Вероятно, эти поездки служили чем-то вроде награды за хорошее поведение, поскольку счастливы получали возможность лакомиться немедленно и не ждать, пока Пигги привезет отбросы на ферму. Он собирал только пищевые отбросы, проявляя полное равнодушие к бумаге, пластмассе и металлу. Пигги интересовало лишь то, что годилось в пищу свиньям. Его работа отличалась особой избирательностью. Ему и платили только за вывоз пищевых отходов. В детстве нам казалось, что Пигги питается одной свиной. Если он ощущал голод (так думали мы), он закалывал свинью и съедал ее целиком. «Поросята съест за один присест» — такой была одна из наших дразнилок, адресованная Пигги.

Но самой «свинской» его особенностью было неумение говорить. Умственная отсталость либо лишила его человеческой речи, либо помешала овладеть языком людей. Пигги Снид не говорил. Он хмыкал, визжал и хрюкал, то есть воспроизводил все звуки, которым научился у свиней.

Мы, мальчишки с Фронт-стрит, любили подкрадываться к нему, когда он опрокидывал баки в кузов грузовика, устраивая пир своим хрюшкам. Мы стремились застать его врасплох, вылезая отовсюду. Кто продирался сквозь кусты, кто выползал из-под крыльца. Мы прятались за стоявшими машинами, за гаражами и под навесами погребов. Главным достижением было окружить Пигги со всех сторон (но не вплотную) и заорать во всю мощь:

— Пигги! Пигги! Пигги! Пигги! Хрю-хрю! Иииии!

И всякий раз Пигги вел себя как испуганный поросенок, готовый бежать сломя голову. Нас поражало, что пугался он всегда, словно у него отсутствовала память. Он визжал и хрюкал, как визжат и хрюкают свиньи, которых ловят, чтобы резать.

Мне не воспроизвести звуки, вырывавшиеся из глотки Пигги. Могу сказать только, что они здорово нас пугали, заставляя кидаться врасыпную. Но потом страх слабел, и нам было не дожидаться, когда Пигги приедет снова. Он приезжал дважды в неделю. Шикарное развлечение! И почти каждую неделю моя бабушка платила